

лишь тогда, когда Роберт Большоголовый, Роджер Бэкон, позднее Витело и Иоанн Кентерберийский, следуя за Авиценной и Альхазеном, придут к идее «*orbis virtutis* («силовая сфера», или «поле действия сил»), а также к понятию «динамического атома» без протяженности, а тот же Роберт Большоголовый скажет, что все состоит из атомов, тела составляются из поверхностей, поверхности из линий и линии из точек, — вот тогда все это и можно счесть за начало пути к количественному изучению физических процессов через «геометрический атомизм»³⁵ (Зубов, 1959, с. 81—128; 1947, с. 290—293).

Так обстояли дела с атомистикой (в демокритовском понимании) в средневековых естественных науках. Алхимия оказалась в стороне. Но это тот реальный экстерьер, в виду которого разыгрывалось алхимическое действо.

Как же пользовались атомистической гипотезой средневековые писатели в сочинениях гуманитарного назначения? Данте в трактате «О народном красноречии» толкует распространенную в средневековье метафору «Пантера». Эту метафору знали Плиний Старший (I в.), Исидор Севильский (VI—VII в.), Брунетто Латини (XIII в.). На пантеру трудно охотиться — ее запах распределен по всему лесу. Он вездесущ. Единичное — не дискретно, а поэтому и не атомно. Эта идея восходит к Аристотелю: *сущее определяется при помощи простейших категорий или предикатов, первичных элементов, которые определяют реальность сущего, наблюдаемого во всевозможных его проявлениях. Аристотелевский принцип «единого простейшего» не противоречит, стало быть, и четьрем алхимическим началам-элементам. Они, эти начала, распределены во всем материальном. Но в этом — на полпути остановившийся атомизм. Атомизм потому, что есть же тот *minutum minutum* свойств, оформленных субстанциально. Здесь же — идея двойственности не только сознания, но и алхимической реальности, воспринимаемой как реальность: от демокритовского «атома» к алхимической индивидуальности. Не то же ли самое в «Монархии» Данте, где идет речь об «*intellectus possibilis*» («возможном интеллекте»)? Полнота познания неосуществима в сознании отдельного человека, индивида биологического и социального вместе. Она осуществляется «ежечасно во всем роде человеческом». И в этом тоже половинчатая идея атомизма социального (*minutum minutum* сознания в человеке как индивиду). Идея эта ведет свое начало от комментария Аверроэса к трактату Аристотеля «О душе». Ее разделял Сигер из Брабанта (XIII в.), помещенный Данте в раю³⁶. К ней примыкает и мысль о вечности материи Вселенной, близ-*

³⁵ Впрочем, еще Константин Африканский (XI в.), по-видимому, цитируя одного арабского философа-медика, скажет, что элемент — это «*simplex et minima compositi corporis particula*» («простая и минимальная частица сложного тела») (Зубов, 1965, с. 68).

³⁶ Общественная значимость того или иного античного мыслителя в средние века может быть почти безошибочно определена по тому, в какой круг и в какой ров Ада его поместил Данте. Если Эпикур, отрицавший бессмертие души, томится в шестом